

- ний в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. URL: <http://ralk.info/uploaddata/fullbook/avtoref/ryabikh.pdf> (дата обращения: 03.01.13).
- ¹⁶ См.: *Маслова Ж.* Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011.
- ¹⁷ *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Литературный факт. М., 1993. С. 54.
- ¹⁸ *Маслова Ж.* Указ. соч. С. 220.
- ¹⁹ См.: *Полтавец Е.* Основные мифопоэтические концепты «Войны и мира» Л. Н. Толстого в свете мотивного анализа : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 ; *Рослый А.* Данте в эстетике и поэзии акмеизма : система концептов (на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006 ; *Голованова И.* Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007 ; *Забияко А.* Лирика «Харбинской ноты» : культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007 ; *Гребнева М.* Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010 и др.
- ²⁰ См.: *Забияко А.* Указ. соч.
- ²¹ *Гирин Ю.* Системообразующие концепты культуры авангарда // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.) : Теория. История. Поэтика : в 2 кн. / под ред. Ю. Н. Гирина М., 2010. Кн. 1. С. 77.
- ²² Там же. С. 79.
- ²³ Один из путей разрешения этой дихотомии см.: *Иванюшина И., Тарасова И.* Континуальные и дискретные модели представления художественного смысла : образ и концепт // «Образ мира, в слове явленный...» : сб. в честь 70-летия профессора Ежи Фарино. Siedlce, 2011. С. 91–99.
- ²⁴ См. *Усачева А.* Некоторые аспекты воплощения образа-концепта «зима» в творчестве И. А. Бродского // Филологические этюды. Саратов, 2004. Вып. 8. С. 234–238 ; *Прошунин А.* Образ-концепт Странника в раннем творчестве М. Горького (Генезис и типология) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- ²⁵ *Большакова А.* Архетип – миф – концепт (рубеж XX–XXI вв.). Теории архетипа. Ч. III. Ульяновск, 2011.
- ²⁶ Там же. С. 209.
- ²⁷ «За рамками настоящей главы остались многие концепты, символы, образы или даже детали, неправомерно называемые “архетипами”» (Там же. С. 204).
- ²⁸ Там же. С. 192.
- ²⁹ Там же. С. 46.
- ³⁰ Там же. С. 215.
- ³¹ См. об этом: *Лозинская Е.* Литература как мышление : когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков : Аналитический обзор. М., 2007. С. 29.
- ³² *Маслова В.* Поэт и культура : концептосфера Марины Цветаевой. М., 2004. С. 2.
- ³³ Ср. высказывание В. Третьякова: «Когнитивный подход сулит критике, состоящей из бесконечных интерпретаций и спекуляций, возможность стать наконец полноценно-научными эмпирическими исследованиями» (*Третьяков В.* Указ. соч. С. 322).
- ³⁴ *Бутакова Л.* Когнитивная поэтика : вариант интерпретации текста // Предложение и слово. Саратов, 2002. С. 74.
- ³⁵ *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 25.

УДК 821.133.1.09+929Манчини

СУДЬБА АРИСТОКРАТКИ В МЕМУАРАХ СЕСТЕР МАНЧИНИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

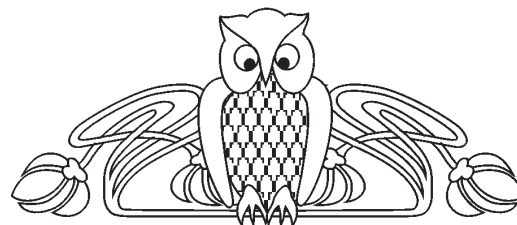
В статье на материале мемуаров Гортензии и Марии Манчини рассматривается проблема социальных рисков, связанных с положением аристократки во французском обществе второй половины XVII в., и мемуаротворчество как способ их снижения.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII в., статус аристократии, социальные риски, Гортензия Манчини, Мария Манчини.

Noblewoman's Fate in Sisters' Mancini Memoirs and the Problem of Social Risks

S. Yu. Pavlova

The article deals with the problem of social risks related to the status of a noblewoman in French society in the second half of the 17th cen-

ture on the material of the memoirs by Hortense and Marie Mancini; writing memoirs is regarded as a means of decreasing these risks.

Key words: memoirs, XVIIth century French literature, aristocracy status, social risks, Hortense Mancini, Marie Mancini.

Мемуары Гортензии и Марии Манчини, племянниц могущественного кардинала Мазарини, опубликованные соответственно в 1675 и 1678 гг., занимают достойное место во французской прозе второй половины XVII столетия. Они представляют собой образец светских мемуаров, рассказывающих о частной жизни знатных аристократок. Содержание этих книг позволяет оценить степень социальных рисков, которым была подвержена

женщина из высшего общества, попытавшаяся вступить в открытый конфликт с мужем.

Судьбы сестер Манчини во многом схожи. Еще в раннем детстве они были привезены из Италии во Францию, воспитывались в соответствии с нравами французского двора, были выданы замуж за знатных господ, вели полную развлечений жизнь, затем рассорились с мужьями, сбежали из дома, скитались, подвергались гонениям, наконец нашли временное прибежище, ставшее местом создания их воспоминаний. Эта часть биографии нашла отражение в мемуарах обеих женщин, дальнейшая жизнь Марии и Гортензии сложилась по-разному. В книгах сестер много переключек на уровне событий, практически совпадает и временной охват повествования. Гортензия Манчини доводит его до 1675 г., находясь в Шамбери под защитой герцога Савойского, она написала свои мемуары. Мария изображает свою жизнь вплоть до 1677 г., связанного с ее вынужденным пребыванием в Мадриде, где она ожидала решения своей участи.

Мемуаристки работали над своими книгами, находясь в изгнании. Как и большинство современников, авторов подобных сочинений, они использовали состояние вынужденной праздности для того, чтобы с пользой заполнить досуг. Если Мария не упоминает о ссылке как толчке к творчеству, то Гортензия прямо говорит о том, что «не смогла бы более невинно использовать свободное время в своем уединении»¹. Однако видимое стремление повествовательницы не придавать серьезного значения своему занятию выглядит лукавством, вступающим в противоречие с обозначенным в тексте желанием «защититься от злословия» (31). В действительности ее «Мемуары» превращаются в своеобразную защитную речь, посредством которой Гортензия пытается оправдать собственное поведение в конфликте с мужем.

Свой брак с господином Мазарини, в прошлом маркизом де Ламейере, получившим после смерти дяди мемуаристки его титул и имя, она представляет как результат сделки и дает понять, что достойна была лучшего будущего: «Фортуна, желавшая сделать меня самой несчастной представительницей моего пола, казалось, начала с того, чтобы сделать меня королевой» (34). В качестве примера Гортензия, в частности, называет союз с английским королем Карлом I Стюартом. Она не углубляется в причины несостоявшегося замужества, но использует идею потенциального брака с монархом как своего рода мерку сравнения своей реальной судьбы и открывавшихся возможностей. На фоне короля образ господина Мазарини бледнеет, а образ самой повествовательницы укрупняется. В социальном и моральном плане она сразу же ставит себя выше супруга, хотя напрямую об этом не говорит.

Описание жизни герцогини после замужества во многом состоит из примеров недостойного поведения господина Мазарини, выражавшегося в

необоснованной подозрительности, жгучей ревности и жестоком обращении с супругой. Мемуаристка рассказывает о людях, которые постоянно за ней следили, о стремлении мужа держать ее вдали от двора, об упреках в карточных играх, позднем отходе ко сну и т. д. Поведение мужа она показывает не только деспотичным и мелочным, но несправедливым по отношению к тому, что сама считает развлечениями, вполне соответствовавшими ее юному возрасту. В «Мемуарах» герцогиня зримо воспроизводит одну из семейных ссор, когда нападки господина Мазарини вынудили ее среди бела дня выбежать из дворца, чтобы на глазах у всех, одинокой и плачущей, перейти пешком улицу и укрыться в покоях брата. Гортензию не остановили ни угрозы мужа закрыть перед ней «все двери и особенно ту, что ведет во дворец» (50), ни осознание того, что семейный скандал принимает публичный характер. В этом и других эпизодах она приводит примеры ситуаций, в которых было унижено достоинство женщины и знатной дамы. Тотальный характер озлобленности супруга в свой адрес герцогиня подчеркивает фразой, обращенной к адресату мемуаров: «Если бы я не боялась вам наскучить, то могла бы назвать тысячу подобных козней, которые он мне устраивал без всякой причины, но лишь ради того, чтобы помучить» (47).

Портрет мужа повествовательницы делает еще более рельефным ее специфическая лексика. «Шпионы», «шпионить», «мучить», «ярмо», «тирания», «криминальный» – все эти слова, семантически связанные с идеей угнетения, надзора, давления, призваны усилить впечатление о муже-тиране. Гортензия открыто говорит о том, что только поведение супруга положило конец ее терпению и стало главной причиной всех последующих несчастий: «Если бы г-н Мазарини удовлетворился тем, что обременил меня печалью и болью, подверг мое здоровье и жизнь прихоти своих самых неразумных капризов, наконец, заставил меня проводить самые прекрасные дни в беспримерном услужении, поскольку Бог сделал его моим господином, я бы ограничилась тем, что страдала и жаловалась друзьям. Но когда я увидела, что из-за его невероятного мотовства мой сын, который должен стать самым богатым дворянином Франции, рискует сделаться самым бедным, мне пришлось уступить голосу крови, и материнская любовь взяла верх над сдержанностью, которую я предполагала сохранять» (47–48). Забота о будущем рода, находившемся в прямой зависимости от материального благополучия, становится определяющим фактором бунта герцогини против супруга. Мемуаристка показывает, что ею двигали высокие помыслы, а не эгоистические либо корыстные желания. Такой акцент, поддерживая образ настоящей аристократки и бросая тень на ее супруга, должен по авторскому замыслу послужить важным аргументом в пользу Гортензии при объективной оценке семейного конфликта.

История ее драматических взаимоотношений с господином Мазарини составляет основное содержание мемуаров. Герцогиня подвергла свою судьбу серьезному риску, когда единственным выходом из сложившейся семейной ситуации сочла побег из дома мужа. Согласно поведенческим и юридическим нормам Франции XVII в. замужняя женщина целиком зависела от мужа и была обязана подчиняться ему. Гортензия показывает, что открытый бунт привел ее к постоянным скитаниям, проблемам с деньгами, негласному осуждению окружающих – всему тому, что в конечном итоге вылилось в парламентское разбирательство, призванное урегулировать взаимоотношения супругов. Судебные решения то облегчали положение герцогини, то давали господину Мазарини еще большие права в отношении супруги. Например, согласно одному из документов, подписанному в присутствии короля, ей разрешалось самостоятельно выбирать слуг и окружение, жить в своих покоях, сопровождать мужа в путешествиях только по собственному желанию и претендовать на раздел имущества. Обретение свободы и самостоятельности стоило Гортензии больших усилий и отвоевывалось шаг за шагом. Однако даже выгодные для нее письменные обязательства на деле оказывались недолговечными, а их разрыв приводил к еще более жестоким преследованиям. Мемуаристка рассказывает о тех вынужденных шагах, которые ей пришлось предпринять из-за преследований мужа, а именно: жить в нескольких монастырях, бежать из Парижа, пересечь Швейцарию, просить приют у сестры в Милане, вернуться во Францию, снова уехать в Италию, наконец найти убежище в Савоие. За время скитаний она получила травму колена, была опасно больна, пребывала в отчаянии, сносила размолвки в своем ближайшем окружении, ссорилась с братом и сестрой, наступала на свои чувства.

Драматические обстоятельства судьбы повествовательницы усугублялись тем, что господин Мазарини все время пытался очернить ее в глазах короля и высшего света. Гортензия называет двор «страной больших противоречий» (60), показывая непостоянство королевских придворных, поведением которых управляли чувства зависти, ревности и корысти. Даже жалость по отношению к гонимой женщине не задерживалась надолго в их сердцах и каждый раз уступала место соображениям личной выгоды. В результате, как констатирует мемуаристка, парламент и двор оказались настроены против нее. Не вдаваясь глубоко в подробности дворцовых интриг в отношении своей семейной тяжбы, она вскрывает механизмы поведения придворных: «...те люди, которые меня направляли и <...> имели при этом другие намерения, играли со мной, чтобы попытаться достичь успеха. Злоупотребляя моей простотой и слепой почтительностью по отношению к их чувствам, они ежедневно заставляли меня совершать шаги, ни последствий, ни мотивов которых

я не понимала» (60–61). К мысли о том, что она не предполагала масштаба постигших ее несчастий, герцогиня вернется еще раз и признается в следующем: «...если бы я предвидела все последствия, я бы скорее предпочла провести жизнь в четырех стенах, завершить ее выстрелом или ядом, чем подвергать свою репутацию злословию, неминуемому по отношению ко всякой женщине моего возраста и ранга, удалившейся от мужа» (64–65).

На протяжении всего повествования Гортензия Манчини различными способами пытается доказать свою правоту. Как и другие мемуаристы, она излагает собственную версию произошедшего, с тем чтобы обратить внимание на факты, способные изменить мнение двора в ее пользу. Это могут быть известные, произошедшие на глазах у других эпизоды, которые она просто напоминает (бегство из дома, принятие королевской пенсии, побег вместе с сестрой из Италии и т. д.), или новые, знакомые только узкому кругу людей детали, проливающие дополнительный свет на ее тяжелую жизнь (придирки мужа, история с «мушками», спасение от преследователей в потайном отверстии за решеткой и т. д.). Не настаивая прямо на правдивости своего рассказа, герцогиня апеллирует к сторонним наблюдателям, подтверждающим ее версию. Например, цитирует слова своих сестер – госпожи Колонна и герцогини Буйонской, в разных обстоятельствах сетовавших на ее несчастную судьбу и долготерпение (40, 48), или обращается к адресату мемуаров словами «судите сами», как бы давая возможность составить объективное мнение об изображаемом. Она даже напоминает об одном официальном документе – протоколе комиссара, следившего за ее передвижениями по дороге в Милан, который был зарегистрирован в парламенте и стал «вечным свидетельством» невинности ее поведения во время этого путешествия «вопреки всему, что разглашали <...> враги» (69). Герцогиней движет желание оправдаться, представить себя пострадавшей стороной, незаслуженно оскорбленной, ущемленной в правах.

Стремление защитить себя определяет авторскую интенцию и в мемуарах Марии Манчини, на титульном листе первого издания которых значится: «Апология, или Подлинные мемуары госпожи коннетабль де Колонна Марии Манчини, написанные ею самой». Это название поясняется в самом начале повествования. Отталкиваясь от мысли о том, что во Франции знатные люди особенно часто становятся объектом злословия, она сообщает об опубликованной книге мемуаров, якобы принадлежащей ее перу. В 1676 г. некий анонимный автор, воодушевленный успехом «Мемуаров» Гортензии Манчини, издал псевдомемуары ее старшей сестры, которые скандализовали общество. Познакомившись из любопытства с этой книгой, Мария испытала чувство «глубокого презрения» по отношению к автору, «в претенциозной истории которого нет ни одного достоверного эпизода,

не противоречившего <...> истине», не говоря уж о «низком и вульгарном стиле»². Стремление опровергнуть ложную информацию, особенно в глазах не знакомых с нею людей, стало основным стимулом для написания подлинных воспоминаний. Мемуаристка так объясняет необходимость высказаться в свою защиту: «...я думаю, что моим долгом было выступить перед теми, кто мог бы ошибиться на мой счет, предложив искренний и правдивый рассказ обо всем, что со мной произошло с юных дней» (96). В отличие от Гортензии, она обращает внимание на правдивость своего рассказа, что довольно характерно для мемуаров эпохи. Желание Марии высказаться подтверждает, что «молчание есть нечто невыносимое в этом обществе беседы»³.

Описание перипетий супружеской жизни мемуаристки занимает большую часть повествования. После вступления в брак с коннетаблем Колонна она обосновалась в Милане и стала знатной итальянской дамой. В отличие от сестры, Марии довелось познать радости брачного союза. Судя по тексту, в начале совместной жизни господин Колонна был искренне влюблен в свою молодую жену. Он всячески стремился приободрить и развеселить Марию, печалился из-за ее болезни и искал повсюду лучших докторов, страстно желал иметь ребенка и несказанно обрадовался долгожданному появлению наследника. Переломным моментом в развитии взаимоотношений мужа и жены стала настоятельная просьба Марии о раздельном проживании. Сообщая об этом, она мотивирует такое решение нежеланием подвергать свою жизнь опасности после рождения третьего ребенка. За пределами книги остается официальная версия, согласно которой по предсказанию астролога Марии суждено умереть при появлении на свет еще одного младенца. Но гораздо показательнее, что мемуаристка не упоминает о подлинной причине своего разрыва с мужем, заключавшейся в том, что ей было известно об изменах господина Колонна и рождении у него внебрачной дочери. Однако в повествовании о первых годах замужества нет и намека на эти факты. «Можно себе представить, что высокомерная Мария <...> согласившаяся любить своего мужа только при условии поклонения, достойного королевы, не простила этой вульгарной измены. Слишком гордая для того, чтобы устроить публичный скандал, она решила отомстить, требуя “разделения кровати”, главной причины ее будущих несчастий»⁴.

Действительно, с этого момента в судьбе повествовательницы произошел неблагоприятный поворот, ставший следствием изменившегося отношения мужа. Она четко фиксирует эту перемену, сообщая, что любовь господина Колонна «изрядно уменьшилась» (133), и в дальнейшем рассказывает о проявлениях его властного характера, грубости, откровенных изменах. С помощью словесных конструкций, все более однозначных и определенных, мемуаристка дает понять, что

неприязнь со стороны супруга постоянно увеличивалась. «У коннетабля, – пишет она, – не было ко мне былой любезности, нежности, уважения, доверия». И далее: «...капризы и презрение коннетабля возрастали с каждым днем» (147). Ощущение нарастающего гнета, угрожавшего ее личной свободе, усиливает предположение герцога Неверского о том, что муж может запереть Марию в одном из своих замков. Для посвященного читателя немаловажным знаком опасности, которой подвергалась мемуаристка, становится история о коликах, чуть было не лишивших ее жизни. Мария описывает свои страдания и реакцию окружающих, но обходит вниманием главное – свои догадки относительно причины заболевания. Она подозревала мужа в желании ее отравить. Обвинить господина Колонна напрямую, не имея доказательств, мемуаристке не позволяла честь, но для представителей ее круга было достаточно и намека, чтобы понять скрытый смысл этого эпизода и «восхитительного спокойствия» (145) коннетабля. Поскольку, согласно поведенческим нормам того времени, низкие дела оскорбляли человека и не заслуживали обсуждения, тактика намека позволяла повествовательнице сохранить собственное достоинство и соблюсти законы взаимного уважения.

По авторскому замыслу этих примеров должно быть достаточно, чтобы показать правомерность ее бегства из дома. В дальнейшем мемуаристка рассказывает о попытках мужа насильно ее вернуть и очернить перед Людовиком XIV, о тягостных скитаниях по дорогам Европы, о безуспешных попытках найти надежное убежище, о шпионивших за ней людях коннетабля, о принуждении, досмотре ее писем, предательстве друзей и родственников. По словам Марии, за ней осуществлялся такой надзор, словно она «была государственной преступницей» (183). Поскольку речь идет о событиях последних пяти лет, она с высокой степенью точности передает их протяженность, называя даты, количество дней и даже часов, воспроизводит свои и чужие слова, подробно описывает случившееся. Центральная тема этой части повествования – трагическая судьба женщины, сбежавшей от мужа, – особенно сближает мемуары Марии и ее сестры. Повествовательница сама говорит об этой общности, а затем, стремясь исключить предположение о пагубном влиянии Гортензии на свое решение, ссылается на ее мемуары: «...я настоятельно просила ее не уезжать во Францию без меня. Она обещала мне это, рассказав предварительно о своих несчастиях и тех, что мне угрожают, если я пойду тем же путем, и, будучи уверенной, как об этом можно прочесть в ее “Мемуарах”, что никоим образом не внушила мне мысль о подобном предприятии, она сделала все, что могла, чтобы испугать меня опасными последствиями» (147).

Обе сестры используют провиденциальный мотив для объяснения драматических перипетий

своей жизни. Если Гортензия постоянно называет свою судьбу несчастливой, то Мария до побега из дома говорит о «злой судьбе» (110) лишь однажды, в связи с известием о бракосочетании французского короля с испанской инфантой. Для Марии этот брак стал знаком личной трагедии. В отличие от Гортензии, упоминавшей о гипотетической возможности союза с английским монархом, Мария пережила сильное и взаимное чувство к Людовику XIV. Любовь к нему стала не только широко известным фактом придворной истории, но и самым значимым событием ее жизни. Не став ни супругой, ни любовницей монарха, она успела почувствовать преимущества положения королевской фаворитки, ощутить свою женскую власть и взлелеять мечту о еще более значительном господстве. Хотя ожидания Марии не суждено было сбыться, она навсегда сохранила надежду на поддержку со стороны короля, которую он обещал ей в момент расставания. Однако все попытки мемуаристки найти в нем опору в момент тяжелых семейных неурядиц не увенчались успехом. Ее книга дает достаточно доказательств того, что в конфликте супругов Колонна французский монарх принял сторону мужа и не сдержал обещания всегда удостаивать Марию «знаков своего внимания», в какой бы части мира она ни находилась (118). Пожалуй, лишь однажды, когда Мария после побега из дома пыталась найти пристанище во французской столице, он оказал ей денежную помощь. В мемуарах она сообщает об этом со сдержанным пиететом, никоим образом не обнаруживая своей настоящей реакции. Ее сохранило воспоминание современника. Королевская милость вызвала у Марии чувство разочарования и унижения, которое точно передает горькая ирония ее восклицания: «... дамам дают деньги, чтобы их увидеть, но никогда не дают, чтобы не видеть их вовсе!»⁵. Поведение короля становится наглядным свидетельством приоритета общественной морали над личными чувствами. Показательно, что и сама мемуаристка занимает позицию не оскорбленной женщины, а почтительной придворной, сохраняя глубокое уважение по отношению к монарху.

Разрыв с королем, которого она, по всей видимости, любила всю жизнь⁶, стал первым серьезным знаменем ее «злой судьбы». В дальнейшем этот мотив усиливается и получает более сложную интерпретацию, чем в мемуарах Гортензии Манчини. Он используется не только для объяснения причины несчастий, но и для усиления драматизма. В мемуарах Марии судьба не просто несчастливая и в этом качестве раз и навсегда данная, а постоянно ее преследующая, отнимающая лучшее, лишаящая возможности радоваться жизни. Отсюда выводы мемуаристки о том, что «судьба никогда не позволяла <...> долго наслаждаться каким бы то ни было благом» (166), всегда «была враждебна к <...> счастью» (169) и «постоянно увлечена» тем, чтобы подвергать ее гонениям (172).

Драматические факты биографии накладывают отпечаток на внутреннее состояние Марии, которая постоянно сопровождает рассказ краткой характеристикой своих эмоций и чувств, что придает повествованию более индивидуальный характер. Палитра ее эмоциональных реакций оказывается весьма разнообразной: от волнения, печали и ревности до шока, горя и гнева. Душевные муки Мария дополняет описанием ее физических страданий: болезней, дискомфорта, неудобств. Так, во время бегства из Милана во Францию мемуаристке и ее спутникам пришлось под палящим солнцем продвигаться пешком, опасаясь преследователей и пребывая в абсолютном неведении относительно того, что их ждет. «Мне надо было отдыхать время от времени, – рассказывает она, – голод, жажда, усталость и жара довели меня до такой крайности, что я была вынуждена попросить работника, который трудился в поле и нам повстречался, нести меня на руках несколько сотен шагов до моря» (150). По мере развития повествования, все более погружающего автора и читателя в череду несчастий, жалобы повествовательницы усиливаются. Их правомерность подтверждается ссылками на родственников и знакомых, ставших свидетелями ее страданий. В этом ряду – брат, принц де Соннино и даже герцог де Креки, имевший поручение короля образумить Марию. Встретив ее в убогом гостиничном номере, он был потрясен контрастом «бедности этого положения с величием и помпезностью» того, в котором видел женщину в Риме (163). Положение мемуаристки, плачевное в физическом, душевном и материальном смысле, выглядит недостойным и оскорбительным для столь знатной дамы.

Мемуары сестер Манчини показывают, что во французском обществе второй половины XVII в. судьба женщины-аристократки предопределялась установленными поведенческими нормами, которым подчинялись все представители высшего света, включая короля. В случае конфликта с мужем, принявшего публичный характер, знатная дама, даже несмотря на свой высокий социальный статус, оказывалась в бесправном положении. Ее открытый бунт против тирании супруга шел вразрез с традиционной практикой распределения социальных ролей и вызывал драматические последствия. Содержание рассмотренных книг свидетельствует о том, что в этом случае женщина подвергала свою жизнь серьезным рискам. Потребность Гортензии и Марии Манчини изложить собственную версию произошедших событий отражает их стремление представить себя в наиболее выгодном свете, вызвать сострадание читателя и привлечь его на свою сторону. Создание мемуаров, таким образом, становится способом снизить социальные риски, спровоцированные их поведением.

Примечания

- ¹ *Mémoires d'Hortense Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini*. Paris, 1965. P. 32. Здесь и далее текст цитируется в нашем переводе по этому изданию с указанием номера страницы.
- ² *Mémoires de Marie Mancini // Ibid* P. 96. Здесь и далее

текст цитируется в нашем переводе по этому изданию с указанием номера страницы.

- ³ *Lesne E. La poétique des mémoires (1650–1685)*. Paris, 1996. P. 227.
- ⁴ *Doscot G. Notes // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini*. P. 220.
- ⁵ *Ibid*. P. 223.
- ⁶ *Ibid*. P. 224.

УДК 821.111.09-32

ИРЛАНДСКИЕ САГИ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ НОВЕЛЛЫ

О. В. Лебедева

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
E-mail: olgalebedeva79@mail.ru

В статье анализируются ирландские саги как исток, определяющий национальную самобытность развития новеллистического жанра Великобритании. Сквозь призму синтеза устной и письменной традиций выявляются поэтологические черты саг, позволяющие отнести их к предкам современной новеллы.

Ключевые слова: сага, новелла, поэтика, генезис, национальная самобытность.

Irish Sagas as a National Prototype of the Modern English Short Story

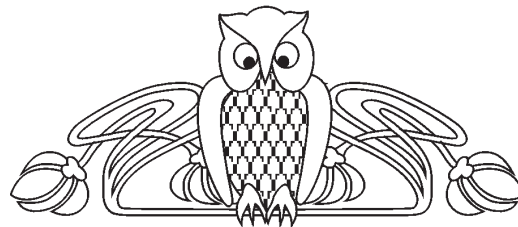
O. V. Lebedeva

In the article Irish sagas are analyzed as a source defining national originality of the development of the short story genre in Great Britain. Specific aesthetic features of the sagas, allowing to consider them the short story predecessors, are revealed through the prism of oral and written tradition synthesis.

Key words: saga, short story, poetics, genesis, national originality.

Новелла является одним из самых востребованных и популярных жанров в современной литературе Великобритании. Это обосновывается целым рядом причин, и прежде всего присущими новелле качествами: гибкостью, лаконичностью, жанровой подвижностью, возможностью лёгкого освоения новых тем и художественных приёмов. Новелла, как и роман, оказывается открытым жанром, предоставляя большие возможности для экспериментов в области формы.

Вопрос происхождения новеллы представляет повышенный интерес, поскольку в историческом генезисе, как правило, выявляются сущностные, доминантные черты жанра. Относительно решения данного вопроса литературоведы делятся на несколько групп. Некоторые историки литературы, как, например, С. Фергюсон, Т. Бичкрофт, исходя из мысли о длительной и непрерывной традиции жанра, причисляют к нему «Кентер-

берийские рассказы Чосера», нравоучительные истории из «Римских деяний», эссеистику начала XVIII в. и диккенсовские «Очерки Боза»¹. А. Уорд и Г. Бэйтс не только сближают новеллу с притчей как универсальным и идеальным образцом малой прозы², но и выделяют черты, определяющие их общность³. В других случаях исследователи рассматривают новеллу как относительно позднее явление. У. Аллен начинает родословную отечественной новеллы с В. Скотта⁴. А. Коллинз в обзоре английской литературы XX в. настаивает на том, что новелла как особый жанр возникла в английской литературе только в конце XIX в.⁵ «Дитя нашего века» называет новеллу литературовед XX в. Э. Боуэн⁶. Аналогичные мнения мы встречаем и в среде отечественных литературоведов. Так, Ю. В. Ковалёв считает, что новелла в английской литературе – сравнительно молодой жанр и говорить о ней всерьёз можно только в связи с литературой новейшего времени⁷. С Ю. Ковалёвым солидарен Д. Урнов, по мнению которого английская литература не располагала богатейшей новеллистической основой⁸. Наиболее объективным нам представляется мнение тех литературоведов, которые исходят из мысли о длительной и непрерывной традиции жанра⁹, поскольку именно такой подход обеспечивает не только возможность детального анализа и выявления специфических средств новеллистического жанра на всех этапах его развития, но и определение его взаимосвязей с другими жанрами.

Говоря о происхождении английской новеллы, мы, прежде всего, обращаемся к культуре островных кельтских обществ. Ирландский эпос, представленный древними кельтскими повествованиями-сагами или, как их называли сами ирландцы, скелами, даёт исследователю богатую возможность типологических обобщений.

Анализируя поэтику саг, необходимо понимать, что важнейшей и определяющей характерной чертой любой дошедшей до нашего времени саги является то, что она представляет собой